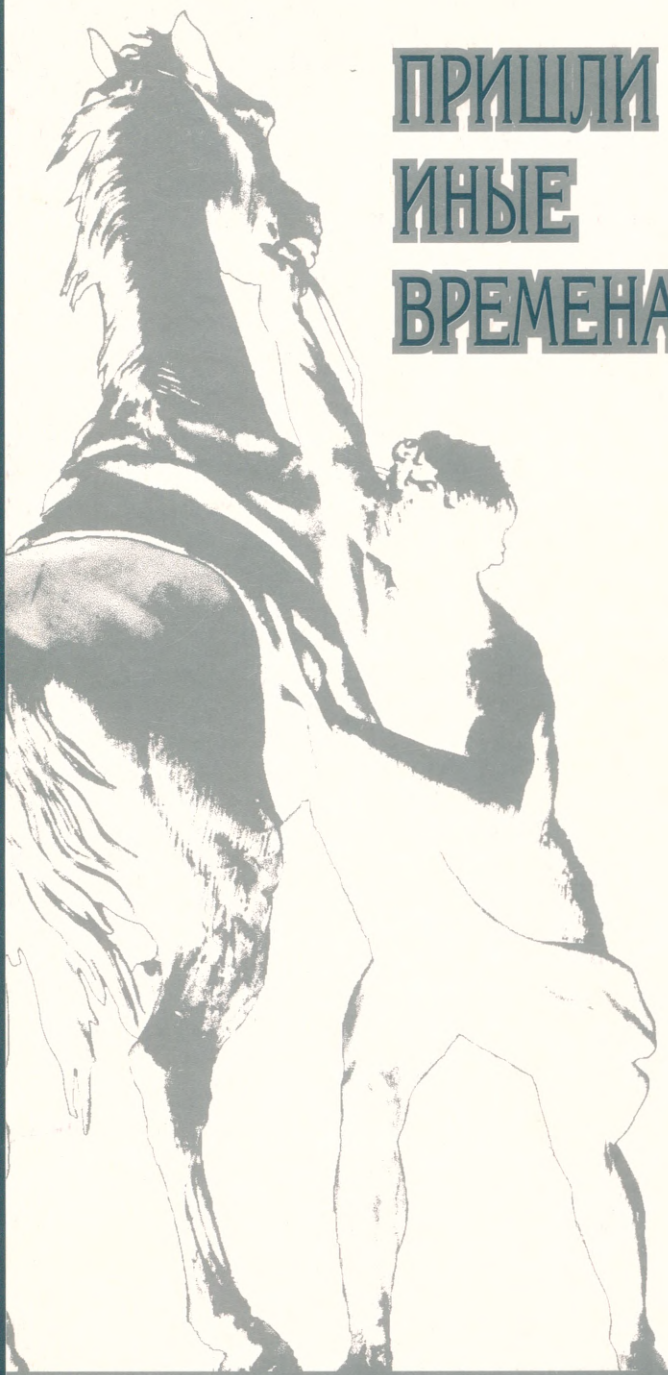

А. ВОЛОХОНСКИЙ

ПРИШЛИ
ИНЫЕ
ВРЕМЕНА

АЛЕКСАНДР
ВОЛОХОНСКИЙ

ПРИШЛИ ИНЫЕ
ВРЕМЕНА...

Нюрнбергская весна

Санкт-Петербург – Нюрнберг
2001

ББК 84 Р

В 68

Редактор Т. Калинина

Волохонский А. Н.

В 68 Пришли иные времена. СПб.: ЛИТОН, 2001. - 48 с.

ISBN-5-85697-33-0

*Эта книга издана при коммерческой поддержке
В. Е. Егоровой*

ISBN-5-85697-33-0

© А. Волохонский, 2001

*Посвящаю эту книгу Маме, детям,
внуку, Сестре*

И, несмотря на все потери,
Паденья в поисках пути,
Я вновь сумел себя найти,
В свое предназначенье веря...
Пусть те, кто помнит обо мне
Гораздо больше, чем другие,
Оценят времена иные
В одной *единственной*
стране...

14. 12. 2000

Новый век я встретил в Германии. Все осталось позади: Россия, любимый город, родные. Но лишь полгода жизни в Нюрнберге и вот – новая книга. Наверное, это правда, что творческому человеку хорошо там, где хорошо работается. Не мне судить, но я все равно здесь, ваш и только седины за это время все больше и больше.

От первой даты под моими опубликованными стихами в первой книжке – 1968 – /«Миг удивления», СПб, 1994, 1998/ до последней, отмеченной в этой – 2000 г., прошло 32 года.

32 года – целая жизнь, Лермонтов прожил меньше, а ведь всего будет 50.

Как написал на полях рукописи редактор первой книги Миша Яснов: «...это эстетика 60-х годов». Согласен, но и остаюсь там, а все-таки ощущаю себя в поэзии уже не случайным попутчиком, а имеющим свой, пусть срывающийся на Пастернака, голос.

Вижу по лицам друзей и родных, знакомых и полужнакомых читателей, что их поражает мое ощущение того, что вокруг, мимо чего они проходят, не оглянувшись. Это – не самодовольство, просто попытка найти свое место после таких потрясений и которые еще грядут.

Именно поэтому решил не просить и не уговаривать поэтических друзей написать несколько строк к книге. Эта книга – итог моих падений и взлетов, моих заблуждений, моих привязанностей.

Поэтому и пишу в конце книги:

« Я просил прощения у Бога...»

Автор

СЫНУ АНТОНУ

Пришли иные времена,
пришли совсем другие нравы:
Те, кто обманывал и лгал,
Те оказались правы...

А я песчинка, иммортель*,
Дитя заснеженных восстаний,
Корабль, брошенный на мель,
Там, где итог – сумма страданий,
И обрываю берегов таинственные
очертанья,
Во времена моих отцов любовь царили
и отчаянье...

Как пережить всю эту новь,
Теряя разума остатки,
Стараясь быть простым и кратким,
И веря только лишь в любовь,

Себя стараясь сохранить
Среди обломков и столетий,
Стирая пыль былых отметин,
Чтоб никого не обвинить...

С.-Петербург, 1998

* Иммортель (immortel) – трава сухоцвет, бессмертник

И НАДО ОСТАВЛЯТЬ ПРОБЕЛЫ...

Л. К.

И начинается глава,
Где шум листвы – предчувство встречи,
Зачем я в жизни был замечен
Судьбой, которой звались Вы...

Слиянием добра и зла
Нас жизнь рассудит постепенно, :
И наши помыслы, наверно,
Однажды выдадут глаза,

Утихнет ветер перемен,
Родившийся в душе внезапно,
И вновь напомнит многократно
Эпоху смуты и измен...

А та судьба, в которой Вы
Так изоэренно защищались,
Растает в суете молвы,
В которой о душе вещали,

И вновь листва теряет цвет,
И гаснет ночи белый сполох,
В предчувстве заблуждений новых,
Где повторений больше нет...

С.-Петербург, 1998

Дг. БОГДАНОВУ

Жизнь подарила передышку:
Покой и время: деньги, дни,
Всю жизнь в памяти храни
Озноб от страсти и одышку,

Как мало в жизни нужных слов
И красок, нужных для этюда,
От поэтического блуда
Порою, вправду, льется кровь,

Порою, зная этот путь,
Свернешь направо иль налево,
Но, вдруг, тебе откажут нервы
И обнажится жизни суть,

Ты знаешь, ты уже готов
Все делать правильно и четко,
Но вновь тебе не хватит слов
И с берега отчалит лодка:

Туда, где слышен только звук
Листвы, упавшей под ногами,
И мы не понимаем сами
Чем вызвано дрожанье рук...

Engeltahl, 10.07.2000

Е. М.
(через 30 лет)

Прошли былые увлечения,
Круженья от былых побед,
Чтоб принимать словесный бред
За эталоны вдохновенья,

Я радуюсь чужим стихам,
А плачу от чужих мелодий,
И ничего не надо, вроде,
Лишь сохранился бы я сам,

Уж столько брошено на кон:
И Синий мост, тобою святой,
И памятник, в ночи распятой,
Перешагнувший Рубикон...

Я начинался в двадцать пять,
Уверенно, не спотыкаясь,
А в пятьдесят упорно каюсь,
Чтобы надеяться опять,

Но, выдержав тернистый ритм
И ленинградскую погоду,
Я задыхался год от года,
Когда перед дождем парит...

И возле дома твоего
Меня порой под арку сносит,
Как будто снова сердце просит
Неповторимости всего...

Engeltahl, 11.07.2000

СТОЛЕТЬЕ С ЛИШНИМ – НЕ ВЧЕРА...

*Как сложно выговаривать слова
И тормозить при звуках русской речи,
Не болен я, и, вроде, не увечен,
Но часто странно мыслит голова...*

НАТ. СМОРОДИНСКОЙ

От звука русского стиха
Чужой язык во мне немеет,
Иная фраза долго тлеет,
А после вспыхнет как строка,

Опутанный чужой строкой,
Ты пробираешься на ощупь
Туда – к обрыву над Окой
Или к толстовской старой роще...

Как будто затерявшись вновь
В лесу замшелом, или в аллеях
Глухого парка, где, не смея,
Очнуться, плакала любовь;

Я повторяюсь слишком часто,
Сменив привычки, жесты, ритм,
И кто меня в том укорит,
Что жизнь прошла в сплошных контрастах...

Я столько в жизни всем прощал:
Друзьям, любимым или детям,
И, столько лет живя на свете,
Я не привык лишь к двум вещам:

Молиться вечером и утром,
И зарекаться от причуд,
Когда, твои грехи распутав,
Прочь все сомнения уйдут...

Engeltahl, 18. 07. 2000

ХУДОЖНИКУ МАРСЕЛЮ
(наб. Сены, Париж)

Меняю слово на картину,
А рифму – на чужую кисть,
Пусть краски осенью остынут,
А слово выльется в эскиз...

Но осенью меняют цвет
Вода, листва, вуаль заката,
И ничего тревожней нет
Безумной легкости токкаты...

Нельзя стереть случайный фон,
Чужих стихов налет фатальный,
...А вместо льва – седой грифон
Вновь стережет канал печальный...

Мне не хватает тех ночей,
Реки, руки, сирени майской,
И там и здесь, я все равно – ничей,
На мир взирающий с опаской...

И на конверте неотправленном
Меняю адреса друзей,
Слова и краски жизни всей,
И оставляя новые проталины...

Engeltahl, 15.07.2000

Л. СМОРОДИНСКОМУ

Давай с тобою сядем рядом,
Здесь, в старом городе, вдвоем,
Мы будем бредить Ленинградом
Не белой ночью, просто днем,

Мы здесь – совсем другие люди,
Нас здесь никто и ждать не ждал,
Мечтали о каком-то чуде,
А верили – в свой идеал:

Да, мне порой река Фонтанка
Там, у Калинкина моста,
Вдруг снится, словно бы с листа
Сошла последняя ремарка,

Здесь, в старых королевских замках
Печать истории легла,
А на романовских останках
Жестоко бьют колокола...

А там – в полуокружье Мойки,
Где жизнь поэта протекла,
Твою судьбы та нить вела,
Чей голос был высокий, тонкий...

Давай с тобою в полной мере
О том лишь думать, что прошло
То, что мешало, что пришло
Другое время – и поверить...

Engeltahl, 29.05.2000

ТАНЕЧКЕ ОРАНСКОЙ

Да, нам с тобою Эльбы мало,
Нужна Нева, ее гранит,
Пусть только память сохранит
Той жизни яркое начало...

Как странно – через тридцать лет
Здесь – на окраине Европы –
Вновь проложить из детства тропы,
Как будто сохранив завет...

Наверное, вся наша жизнь
Была залогом постоянства
Друзей, поэзии, пространства,
В которое не нужно виз,

Как все похоже иногда:
Река, вокзал, часы на башне,
И мне уже совсем не страшно:
Вода, каналы, города...

Hamburg, 02. 06. 2000

ТЭННЕ СЕМ.

Неужто я в четырнадцатом веке,
Когда еще никто на слышал Баха,
И в ожидании божественного страха,
Живущего с рожденья в человеке...

Совсем другой, холодный ритуал:
И тот же век хранит Покров на Нерли,
Но как искусно напрягает нервы
Старинной площади изысканный овал...

Но это все – из сказок братьев Гримм,
А Везер – как германское преданье,
Так хочется перебороть страданье
И все это почувствовать своим...

Плачу за легковёрность бытия,
Вчера – Ганновер, а сегодня – Бремен,
Но я в себе пытаюсь быть уверен,
Стихи и музыку для вечности храня...

Bremen, 04. 06. 2000

СЕСТРЕ

Как похож на Старый Крым
Городишко Энгельталь,
Ангельская пастораль:
Кирха, платц, июльский дым...

Черепица красных крыш,
Изобилие цветов,
Сигаретный завиток,
Растворяющая тишь...

Если б знать наверняка,
Или с самого начала
Как мне будет жизни мало,
Чтоб никто не упрекал

В том, что церковь стала кирхой,
А деревня – просто “Dogf”,
Что другому – просто вздор,
Для меня – сплошное лихо.

Этот город – Энгельталь,
Эта райская долина:
Отбивается эмаль,
Осыпается картина,

Только в память – Старый Крым,
Дом, могила, книги Грина,
Где-то – море и обрыв,
Рядом – дом, июль, долина...

Engeltahl, 23. 07. 2000

О, ЗНАЛ БЫ Я, ЧТО ТАК БЫВАЕТ...

*Здесь будет все: пережитое,
И то, чем я еще живу,
Мои стремленья и устои,
И виденное наяву.*

Б. Пастернак

*Мне было многое дано:
Со многими я давно простился,
Со многими уже давно
Простился я, им поклонился...*

*Но, боже мой, ужель дано
За всех, всегда, я им явился,
Как верить в то, чему учился,
Чему не верую давно...*

ЛИЕ

Ты знаешь, может быть для блага
И твоего и моего,
Я снова “Доктора Живаго”
Перечитал почти всего:

Я снова вчитывался в лица,
Которыми дышал роман,
И все, возможно, повторится,
Вновь наполняя закрома,

Те закрома души и плоти,
Которыми так полон век,
Срываясь на последней ноте,
Врастая в обреченность вех...

Пришли иные времена

Страницы этой вечной книги
Я впитывал в стихах и днях,
И, обрывая снов вериги,
“Отчеркиваю на полях...”

Nürnberg, 12. 04. 2000

Есть женщины, с которыми судьба
Давно связала цепью отношений,
Не требующих долгих объяснений,
Томительных для них и для тебя;

Иным всю жизнь и рассказать нельзя
Печальный груз любви и увлечений,
А в них всегда все выскажут глаза,
Как лица на полотнах Ботичелли...

Как Пастернак пред чудом женских рук
Благоговел, переходя на прозу,
Так и во мне сжимался мыслей круг,
Ушедших женщин вспоминая слезы,

Но образ превращался в образа:
Смещение нравов становилось пресным,
Любовь казалась замкнутой и тесной,
С тобой судьбу навеки повязав...

И мне не разорвать ни цепи отношений,
И не нарушить красок полотна,
Одна - судьба, и пагубность – одна,
И не найти ответов и решений...

С.-Петербург, 1998
Nürnberg, 2000

Я ждал: я отсчитывал каждый день,
И так торопился, тобою влекомый,
Мелькали ступени и лица знакомых,
Но лишь ускользала и таяла тень...

Я мог лишь вздохнуть, отдышаться в истоме,
Но сколько же можно: любить – не любить,
И как же без этого жить и творить,
Так пусть ничего, никого, только, кроме

Тебя и вот этого белого поля,
Где все так расплывчато контуров нет,
И падает, падает, падает снег,
С собой принося ощущение боли...

Я жаждал и ждал: я просчитывал снова
Тобою придуманный график пути,
Не смея ни раньше к тебе подойти,
Ни позже, когда уже был околдован...

Прости, что дыхание мне изменяло,
И голос терялся в чужих городах,
Я гнался за тенью, и только тогда
Ты имя мое без конца повторяла...

Engeltahl, 15.07.2000

И на могиле Пастернака
Мы вновь теряем жизни ритм,
Так звук органного раската
Впадает в неизбежность рифм...

Забыты рифмы в искрах риска
И ночь низведена до сна,
Стихам не ставятobelisksов,
За каждый стих – цена одна:

Цена, добытая безверьем,
Путь веры – слишком верный путь,
Пусть кто-то бросит в ночь мистерий
Свою поэзию – так пусть,

И не достичь нам совершенства,
Но, боже мой, и сколь давно
Вот так, на кладбище безвестном,
Поэту кончить суждено...

С.-Петербург
(из раннего)

Я обрел неведомую силу
В постиженьи таинства измен
Духа, тела, резких перемен –
От улыбки до тоски унылой,

Кажется, что ты – совсем иной
И умеешь прятаться украдкой,
Лишь за кадром голос, как в кино,
За свое вцепившись мертвой хваткой...

Сколько же осталось сохранить
Тех узлов моих воспоминаний,
Чтоб одна вытягивалась нить –
От недавних – и до самых ранних,

Но боюсь, что мне не хватит сил
Сохранить то таинство бывшее:
Все отбросить – бранное и злое,
И прощенья божьего спросив...

Nürnberg, 08. 08. 2000

Такое время на дворе:
И справедливость торжествует,
А плоть по-прежнему бушует,
Кровь приливает к голове,

И надо жизнь воспринимать
Не испытанием, а благом,
Волшебной сказкой или сагой
Любое действие представлять.

...Я тщетно силюсь понимать
Любое женское начало,
Когда в конце пути усталом
Оно не сбудется опять...

Лишь тот, сумевший не упасть,
Познает счастье горстью полной,
А счастье – это только часть
Души, в которой бьются волны,

Они смывают берега
И время новое диктуют,
И половодьем атакуют
Весной набухшие снега...

Nürnberg, 09. 08. 2000

Я десять лет не отдыхал,
И не был на любимом море:
И потому в своих стихах
Я был запутан и зашорен.

Запутавшись в грехах иных,
Спасался только лишь стихами,
Я снова погружался в них,
Дыша их винными парами...

...Жизнь не давала отпусков,
А отделяла лишь от моря,
Мое старение ускорив
Усталой проседью висков,

Я обрываю завязь строк
И начинаю все сначала,
Пускай порядком укачало,
Я новый назначаю срок

Своим несбывшимся поэмам,
Приливам моря, пенью птиц,
Как важно – возвращенье темы
Под скрип знакомых половиц...

Engeltahl, 23. 07. 2000

Сыну Мише

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕМЫ

*“Мучительно быть пламенным
мечтателем в краю вечных снегов...”*

А. Грибоедов

ДЕКАБРЬСКИЕ СТАНСЫ

Переосмысливаю ход
Того декабрьского дня:
Каре, ушедшее под лед
Под мрачной тяжестью коня...

Корнет, поручик и поэт,
Полковник у окна Сената,
За все – сибирская расплата,
Ценою в целых тридцать лет,

...Поэт взойдет на эшафот,
Штабс-капитан умрет в солдатах,
И снова – даты, даты, даты:
Портрет, автограф и офорт.

Им император не простил
Ни гордости, ни первородства,
Бравады лунинской, геройства,
В них бородинский дух застыл...

Полковник кровь сотрет с лица
От шпаги собственной излома,
...И вот уже возок у дома –
В Сибирь – с парадного крыльца...

Другой полковник правду знал
И тем обидел государя,
Что, первым в колокол ударив,
На бунт народный опоздал,

Другой поэт, картавя фразы,
По жизни был смешон и прост:
Могила, храм, сырой погост,
...А в память – станция Залазы...

Поручик вскинет пистолет,
Сразив седого генерала,
Ему всей жизни было мало,
А было – двадцать восемь лет...

И перед гнилой петлей
Сомкнутся руки обреченных,
Тех пятерых, и скоро черный
Покроет их покров земной...

А император будет в Царском
Играть с любимым царским псом,
Преследуемый странным сном:
Декабрь, каре и люди в штатском...

И вот готов другой возок,
Другой княгини – дамы эти
Нам обессмертили столетье
И только там – любви исток...

И через много-много лет
Поэт другого поколенья
Пред ними плакал на коленях,
Не находя в душе ответ.

На тайну лунинской загадки,
Дразнящей тонкий царский слух,
Когда его мятежный дух
Ломает новые порядки: –

И слышен шепот осторожный:
В России жить совсем нельзя,
Бунтуют графы и князья,
А умирать вполне возможно...

Пришли иные времена

С годами мне ясней и ближе
Тот скорбный каторжный удел
Всех тех, кто посягнуть сумел
На трон – и не забыл Парижа...

Война, мятеж и Петербурга стынь,
Какую ношу я взвалил на плечи:
Все время слышать эти сгустки речи
И так хотеть, чтоб это слышал сын...

Переосмысливаю снова
Тех дней тревожную молву,
И снова вижу наяву
Полки, шторы и оковы...

ОБРАЗЫ

П. Пестель

Кроме условно-рефлексивной
Любви к Отечеству, для нас
Так важен день и важен час,
Когда в признании наивном
Ты предаешь друзей и страсть,
Владевшую века умами,
И мы не понимаем сами,
Среди потусторонних фраз,
Сколь пагубна любая власть...

К. Рылеев

Он все успел сказать царю,
Но не заслуживал прощенья:
И не было ни жажды мщенья,
Когда последнюю зарю
Надрывно били часовые...
Знобило и саднило горло:
Ему, впитавшему крамолу,
Грехи замаливал священник
И пели упокой святые...

М. Бестужев-Рюмин – С. Волконский – С. Муравьев-Апостол

Один – поручик в двадцать три,
Другой же – в чине генерала
В Париже спорил на пари,
А оказался – за Уралом...
Мишель сгорел во цвете лет:
Отцом-полковником научен,
И, понадеявшись на случай,
Под барабанные удары –
В мундире – но без эполет...

М. Лунин

Чего недоставало миру,
Когда весь мир наждался в нем?
...Горевший жертвенным огнем,
Он выдумал себе кумира:
Но тлел огонь в сырой стране,
Придавленный остзейским взглядом,
Промозглой выпренностью града,
Где не одна угасла лира,
И вечен всадник на коне...

Как замкнут круг: в нем
нет прямых углов,
Каре, декабрь, пушки, император,
И даже брат не понимает брата
В бессилии перед обманом снов,

Откуда петербургская тоска
В смоленской безысходности дворянской,
И что важнее: дуло у виска,
Иль дерзкий бунт на площади Сенатской...

Как странны биографии людей,
Дерзнувших предпочесть чины, богатство
Святой идее и святому братству,
И всех мучений испытав предел...

...Я видел все: Сибирь и Петербург,
Париж и Тульчин, Днепр, Неву и Сену,
Мне не дано их разгадать, наверно,
И только память замыкает круг...

Engeltahl – Nürnberg, 10 – 30. 07. 2000

ЕВРЕЙСКИЙ МОТИВ

Памяти моего любимого поэта Э. Багрицкого

Их с кровли провожали аисты,
Им в поле жаворонок пел,
Он так любил, но он не смел,
И умирал от чьей-то зависти...

Им было тесно в этом городе,
Смуглело лето, ветер плыл,
Но, он, конечно, не забыл
Дороги этой – воля где:

И вот уж вновь движенье есть
И аисты кивают носом,
Всю жизнь безумные вопросы,
А он принес дурную весть...

Пусть слово через много лет
Поет, как жаворонок в поле,
Лишь только насладиться волей
И не забыть, что ты – поэт...

Engeltahl, 28.05.2000

*Собор Св. Стефана в Майнце
расписан по эскизам Марка Шагала*

ГЕНЕ КОТОВУ

Отчего Шагал в немецком храме –
В Майнце – а не в Витебске любимом,
Те же крыши, те же херувимы,
Только разными помазаны мирами...

Почему же здесь, в немецком Майнце,
Постигая многоликость бога,
Их тела сплелись в небесном танце,
Заставляя плакать у порога...

...А ночами снится “Песнь песней”,
Будто кто-то плачет в синагоге,
Как же целомудрены и строги
Лица их – в глубоком поднебесье...

Я, рожденный иудеем и славянкой,
Дорожу любой частицей крови
И вдыхаю ощущение нови
В Библии, Коране или Торе,

Я увижу Витебск, может статья,
Узковатых улочек смешенье,
Красок, лиц, движений мельтешенье
И витраж Шагала в центре Майнца...

Mainz – Nürnberg, 10. 08. 2000

МОЙ МОЦАРТ

Моей дочери Кате

*...Я емь воскресение и жизнь,
верующий в меня, если и умрет,
оживет; и всякий живущий и верующий
в меня не умрет вовек...*

Иоанн, 11, 25, 26

Неистово, до отречения,
Нести свой крест до врат церковных
И знать, что рядом – мир огромный,
Один имеющий значение...

Тебя влечет заветный миг
И нужно ль удивляться счастью
Минуты той – в ее лишь власти
Сдержать очарованья крик,

Я знаю, я стараюсь знать,
Когда приходит чувство это,
Оно – как ощущение лета, –
Которого нам не понять...

И я теряю страсти смысл
И отрекаюсь от падений,
Чтоб только снова в мир видений
Внезапно уходила мысль...

25.04.1999

**ДО СУЩНОСТИ ПРОТЕКШИХ ДНЕЙ,
ДО ИХ ПРИЧИНЫ...**

*Все назревает постепенно:
Уйдет сентябрь придет декабрь,
Ты, может, нищенская тварь,
А, может, памятник Вселенной...*

*И назревает, как нарыв
На чьем-то теле, полном скверны:
Ты свой сентябрьский порыв
Вдруг в декабре почувешь нервом...*

ТАНЕ

Как это бывает: неудачная любовь,
Падает давление, стынет в жилах кровь,

Кроме неудачной – есть счастливый шанс:
Только это мимо – не про нас, не для нас...

Сесть бы сразу в поезд, и уехать – в никуда,
Только чтобы женщина рыдала у пруда,

Чтоб грехи замаливала, прячась по церквам,
Верила в прощение, веруя словам...

Помнишь чудо божие: где-то в январе
Озеро замерзшее, снег в монастыре,

И твои застывшие губы и глаза,
Будто бы из мрамора их мастер вырезал,

Пришли иные времена

Все зачтется в вечности: боль, успех, печаль,
И судьбы сгоревшая от любви свеча,

Только бы от слабости скрыться навсегда,
Только б не садиться в эти поезда...

Engeltahl, 11.07.2000

А. СМОРГУНЕРУ

“Действительность стремится к раздроблению...” –
Откуда Достоевский брал слова,
Которыми оправдывал права
На разрушение веры и сомнение?

Запутавшись в обилии цитат
Извечного российского вопроса,
Я понимаю больше во сто крат
Значенье оговора и доноса,

С чужого берега нельзя увидеть цель,
Которую однажды означал ты,
И снова прячешься в условленную щель,
Рассыпав по полу игрушечные карты...

Действительность – она полна причуд,
Обманом легковерного романа,
Очарованьем и изгибом стана,
Вторжением в испытанный уют,

Всю жизнь с Историей мешая имена
Любимых женщин – и, не зная меры
За все плачу, за все отдам сполна,
И тороплюсь избавиться от скверны...

Engeltahl, 22. 07. 2000

ПАМЯТИ МАЙИ
(р. 12.03.45 – ум. 29.04.87)

Остановиться бы на миг,
Опять прижать перо к бумаге,
Не ощущать себя в овраге
И слышать только белый стих...

Я вновь прижат к больничной койке,
Мелькают месяца и дни,
Как будто на безумной тройке
Решили мчаться вскачь они...

И я – безумный, словно пешка
В пустой безудержной игре,
Опять стараюсь безуспешно
Усиьем подавать мигрень...

Но снова, снова те же страхи
И снова занесен топор,
А голова опять на плахе
И лишь в глазах немой укор:

Я поднимусь, я снова встану,
Переборов дурное зло,
Я больше уставать не стану
И мне не будет тяжело,

Опять – стихи, опять – осенний сад
И перекличка голосов любимых,
Средь вечеров пустынных и незримых
И не позволить отступить назад...

Engeltahl, 12. 03. 2000

МАКСИКУ

“...Море, старик, собака...”
х/ф “Мужчина и женщина”, 1968 г.

Три клада всей жизни мне были отрада:
Л ю б о в ь – от внезапного тайного взгляда,
С т и х и , где мне с рифмою не было сладу
И о т б л е с к з а к а т а , и больше не надо

Ни этой усталости горькой зари,
Когда этот взгляд мне сумел подарить
И строчку, которую мог сотворить
На фоне отлива: собака, старик...

Три клада всей жизни – и вот уже вечер,
Когда уже взгляд потускнел, только вечен
Прерывистый ритм ускользящей речи,
И застит глаза в ожидании встречи

Заросшего омута, полного тины,
Как память той давней, любимой картины,
Стихов над Окой возле камня Марины
И терпкого привкуса мерзлой рябины...

Я – кладоискатель – по жизни, по сути,
Всегда доверяя последней минуте,
Когда, изнывая от боли и жути,
Ты снова, как в сказке, стоишь на распутье:

И кажется кладом любое кладбище,
Где каждый любовь и поэзию ищет,
А нужно лишь только найти токовище
В тумане росы, над рекою зависшем...

Nürnberg, 08. 08. 2000

MAME

Какая разница мне в том
Твоя рука или чужая
Глаза закроет мне потом,
Чужую землю увлажняя
Слезами, иль подобьем плача,
И что, вообще, все это значит
Перед смещением веков?
Когда-бы кто-то не означил
И я бы не был так растрочен
И не был бы итог таков...

... Услышать этот влажный след
Ночной руки и звук дыханья,
И нет ни капли оправданья
Тому, что длится столько лет...

Какая разница мне в том,
Кто первым вспомнит иль последним
Мой голос, но стихи, притом,
Сочтут за вздор и полубредни,
Коль скоро всех я так дурачил
И что, вообще, все это значит
Для тех, кто рядом был со мной?
Когда бы я не знал удачи
И не был бы душой богаче
И вере следовал иной...

Nürnberg, 08. 08. 2000

НАДЕ

Дар от Бога свыше дан:
Ученичества и роста,
Где божественный талант
Вырастает из притворства,

Перед жизнью и толпой,
Перед самой страшной болью
Мы играем эти роли,
Увлекаясь лишь собой,

Но талант – он так изменчив,
Если Богу не дано
Быть всегда, везде, где вечен
Тот огонь, где суждено

Удивляться и расти,
Обретая постоянство
Ученичества пространства
И слова “прости, прости...”

С.-Петербург, 1998

Н. КРЫЩУКУ

Мы понимаем только то,
Что знаем о себе, а сами
Своей духовности исток
Нелепо обзовем грехами...

Несчастье связывать людей
Должно прочней, чем узы счастья,
И дождь, грозу и шквал ненастья
Мы любим больше светлых дней,

У жизни с смертью нет границ,
Все в жизни кажется беспечным,
И только над покоем вечным
Мелькают тени прошлых лиц...

С.-Петербург, 1998

ЛЕРЕ

Я просил прощения у Бога
В старой церкви – на Пантелеймоновской,
А потом бежал в костел на Ковенском,
Чтоб связать орган с высоким слогом,

Мимо Спаса, дальше – по Надеждинской,
Забывая прошлое и форести,
Если бог замолит муки совести,
Значит, еще есть кусок надежды...

Жизнь бьет по слабому звену,
Может быть, и я устал в дороге,
Не ищу я откровений в Боге,
Только понял истину одну:

Там, где есть свеча и есть покой,
Жизнь становится оправданной и чистой,
Может быть, тогда рапсодий Листа
Хватит на весь век усталый мой...

С.-Петербург, 06. 12. 2000

А. БИТОВУ

Снится сон: я у сфинксов спустился
К неподвижной и талой воде,
Я так долго к ним шел, я стремился
Вновь узнать эти здания, где

Так стремительно двигалась юность
Вдоль тех линий и возле реки
Исчезала походки сутулость
И шаги становились легки:

Как знакомо все это и остро,
Я во сне ничего не забыл
Или, может, Васильевский остров
Оторвался и в море уплыл...

Nürnberg, 14. 08. 2000

Александр Волохонский родился в Ленинграде в 1951 году. Окончил Ленинградский госуниверситет по специальности геолог-геохимик. С 1973 по 1982 учился в аспирантуре и работал в Кольском филиале АН СССР (г. Апатиты). Кандидат геолого-минералогических наук, имеет более 40 научных работ. С 1982 года жил в Ленинграде, работал старшим научным сотрудником в разных НИИ. С 1990 года работал в издательско-полиграфической сфере: был коммерческим директором журналов «Петербургский журнал», «Искусство Ленинграда», «Нева». Выпустил книгу стихов «Миг удивления», 1-е издание в 1984 году, 2-е – 1998 году.

Стихи пишет с 16 лет. Занимался в литературном клубе «Дерзание» Дворца пионеров (Ленинград). С 1999 года живет в Германии (Нюрнберг), участник I Всегерманского фестиваля русской поэзии (Мюнхен, 2000 год).

Содержание

Пришли иные времена.....	5
И НАДО ОСТАВЛЯТЬ ПРОБЕЛЫ	
И начинается глава.....	6
Жизнь подарила передышку.....	7
Все не удержано.....	8
Прошли былые увлечения.....	9
СТОЛЕТЬЕ С ЛИШНИМ – НЕ ВЧЕРА	
От звука русского стиха.....	10
Меняю слово на картину.....	12
Давай с тобою сядем рядом.....	13
Да, нам с тобою Эльбы мало.....	14
Неужто я в четырнадцатом веке.....	15
Как похож на Старый Крым.....	16
О, ЗНАЛ БЫ Я, ЧТО ТАК БЫВАЕТ	
Ты знаешь, может быть для блага.....	17
Есть женщины, с которыми судьба.....	19
Я ждал: я отсчитывал каждый день.....	20
И на могиле Пастернака.....	21
Я обрел неведомую силу.....	22
Такое время на дворе.....	23
Я десять лет не отдыхал.....	24
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕМЫ.....	25–31
Декабрьские стансы.....	26–28
Образы.....	29–30
Как замкнут круг: в нем нет прямых углов.....	31
Еврейский мотив.....	32
Отчего Шагал в немецком храме.....	33
Мой Моцарт.....	34
ДО СУЩНОСТИ ПРОТЕКШИХ ДНЕЙ, ДО ИХ ПРИЧИНЫ	
Как это бывает: неудачная любовь.....	35
«Действительность стремится к раздробленью».....	37
Памяти Майи.....	38
Три клада всей жизни мне была отрада.....	39
Какая разница мне в том.....	40
Привкус желтого цвета.....	41
Дар от Бога свыше дан.....	42
Мы понимаем только то.....	43
Я просил прощения у Бога.....	44
Снится сон: я у сфинксов спустился.....	45

**Александр Наумович
ВОЛОХОНСКИЙ**

Пришли иные времена

Редактор Т. Калинина